

DUMPLIN'

JULIE MURPHY

BALZER + BRAY

An Imprint of HarperCollins Publishers

ПЫШЕЧКА

ДЖУЛИ МЁРФИ

Всем девчонкам с толстой попой

Перевела с английского Анастасия Казакова

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111

ББК 84.7

M52

JULIE MURPHY

DUMPLIN'

Книга издана с согласия автора и при содействии
литературного агентства Prava i Perevodі.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное,
в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования
возможны только с разрешения правообладателя.

Мерфи, Джули.

M52 Пышечка : [роман] / Джули Мерфи ; Пер. с англ. А. Казаковой. — Москва :
Popscorn Books, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-6042196-4-5

Уиллоудин Диксон не считает слово «толстый» оскорбительным: у кого-то ко-
лявые коленки, у кого-то большая грудь, а Уилл толстая, и это просто факт. Но
лето перед выпускным классом переворачивает весь ее мир с ног на голову.
Первая работа. Первый поцелуй. Первая ссора с подругой. И впервые в жизни
ей становится неловко за свое тело. Чтобы вновь поверить в себя, Уиллоудин
решает принять участие в конкурсе красоты и доказать, что стать королевой
может каждая девушка, независимо от размера одежды.

УДК 821.111

ББК 84.7

© А. Казакова, перевод на русский язык, 2019

© Popscorn Books, издание на русском языке,
оформление, 2022

© 2015 by Julie Murphy. All rights reserved.

Published by arrangement with Folio Literary
Management, LLC

Cover art © 2015 by Daniel Stolle

ISBN 978-5-6042196-4-5

Пойми, кто ты есть, и не изменяй себе.

Долли Партон

ОДИН

С песни Долли Партон* началось все лучшее в моей жизни. В том числе дружба с Эллен Драйвер.

Песня, скрепившая наш союз, — *Dumb Blonde* из дебютного альбома *Hello, I'm Dolly*, вышедшего в шестьдесят седьмом. Летом, перед тем как я пошла в школу, тетя Люси и миссис Драйвер сдружились на почве любви к Долли. Пока они попивали сладкий чай в гостиной, мы с Эллен сидели на диване и смотрели мультики, еще ничего друг о друге не зная. Но однажды из магнитофона миссис Драйвер раздалась та самая песня. Эллен начала притопывать в такт, а я — тихонько подпевать, и не успела Долли добраться до припева, как мы уже носились кругами и горланили что было сил. К счастью, наша любовь — друг к другу и к Долли — не свелась к одной песне.

Я жду Эллен на школьной парковке перед джипом ее парня, и солнце плавит асфальт у меня под ногами. Стараясь не злиться, я наблюдаю, как Эл выскальзывает из здания и спешит ко мне, лавируя между машинами.

* Долли Партон — американская кантри-певица и киноактриса, автор более 600 композиций. Здесь и далее прим. перев.

Эл — моя полная противоположность: высокая блондинка, дурашливая и в то же время сексуальная — ходячий парадокс, который существует лишь в романтических комедиях. Она всегда была в ладах с собственным телом.

Ее бойфренда Тима не видно, но я знаю наверняка: он идет за ней следом, уткнувшись носом в очередную игру на мобильнике и пытаясь наверстать упущенное за время уроков.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда мы познакомились с Тимом, — что он ниже Эл как минимум сантиметров на десять, но ей было плевать на это с высокой колокольни. Когда я упомянула их вертикальные различия, она заулыбалась, покраснела до корней волос и сказала: «Ужасно мило, правда?»

Слегка запыхавшись, Эл останавливается передо мной.

— Ты сегодня работаешь, да?

Я откашливаюсь.

— Ага.

— Никогда не поздно найти работенку на лето в торговом центре, Уилл. — Она прислоняется к джипу и легонько пихает меня локтем. — Со мной.

Я качаю головой:

— Мне нравится в «Харпи».

Огромный пикап с высокой подвеской несется по соседнему ряду к выезду с парковки.

— Тим! — вопит Эллен.

Он резко останавливается и машет нам рукой, и в ту же секунду машина проносится прямо перед ним; еще пара сантиметров, и его размазало бы по асфальту.

— О господи, — тихо выдыхает Эллен так, что слышу ее только я.

Мне кажется, они созданы друг для друга.

— Спасибо за предупреждение! — кричит он.

Даже на вторжение пришельцев Тим, наверное, выдал бы: «Прикольно» или типа того.

Вскоре он подходит к нам, засовывает телефон в задний карман и целует Эллен. И это не какой-нибудь слюнявый поцелуй с языком, нет, он будто бы говорит: «Привет-я-скучал-по-тебе-а-ты-все-такая-же-красивая-как-на-первом-свидании».

У меня вырывается тихий вздох. Научись я вовремя отводить глаза от целующихся парочек, уверена, моя жизнь стала бы как минимум на два процента легче.

Не то чтобы я ревную кого-то из них. Тим не отнимает у меня Эллен, и я не хочу встречаться с ним сама... Но кое-чему я все-таки завидую. Я тоже хочу целоваться с кем-то при встрече.

Я отвожу глаза и, сощурившись, разглядываю беговую дорожку вокруг футбольного поля.

— Что там такое делают эти девчонки?

По дорожке бежит стайка девиц в розовых шортах и маечках в тон.

— Тренируются к конкурсу красоты, — отвечает Эллен. — Все лето будут бегать. Одна девчонка с моей работы там занимается.

Я даже не пытаюсь сдерживаться и закатываю глаза. Наш город Кловер ничем не примечателен: футбольная команда изредка выходит в плей-офф, и кто-нибудь из ее игроков то и дело уезжает в большой мир и добивается там признания. Но причина, по которой наш городишко еще отмечают на картах, в другом: здесь проводится старейший в Техасе конкурс красоты. Впервые Юную Мисс Люпин* выбрали еще в тридцатых, и с каждым годом действие только набирало масштабы и вместе с тем становилось все смехотворнее. Уж можете

* Люпин — цветок, символ штата Техас.

мне поверить: моя мама председательствует в комиссии конкурса последние пятнадцать лет.

Эллен выуживает ключи у Тима из переднего кармана шортов и приобнимает меня.

— Хорошего тебе дня на работе. Не обожгись маслом и все такое.

Она обходит машину, чтобы отпереть водительскую дверь, и кричит Тиму по другую сторону:

— Тим, пожелай Уилл хорошего дня.

Он на секунду поднимает голову, и я вижу улыбку, которую так любит Эллен.

— Уилл. — Бóльшую часть времени Тим торчит в телефоне, но стоит ему заговорить... и сразу становится ясно, почему с ним такая девушка, как Эл. — Надеюсь, тебя ожидает хороший день.

Он отвешивает мне глубокий поклон.

Эл закатывает глаза, устраивается за рулем и закидывает в рот очередную подушечку жевательной резинки.

Я машу им на прощание и на полпути к своей машине вижу, как они проносятся мимо и Эллен опять вопит: «Пока!» — перекрикивая песню Долли Партон *Why'd You Come Here Looking Like That*, гремящую из динамиков.

Я копаюсь в сумке в поисках ключей, когда замечаю, как Милли Михалчук вразвалочку ковыляет по тротуару на другую сторону парковки.

Я мгновенно понимаю, что сейчас произойдет. На мивэн ее родителей облокотился Патрик Томас — пожалуй, величайший мудака нашего времени. У него есть суперспособность придумывать людям прозвища, которые прилипают к ним навсегда. Иногда это крутые прозвища, но чаще всего что-то типа *Йииха-ханна* — как будто лошадь ржет, — потому что у девушки зубы... ну... лошадиные. Остроумно, знаю.

Стыдно признаться, но Милли — та самая девчонка, на которую я всю жизнь смотрю с мыслью: «Могло быть и хуже». Я, конечно, тоже толстая, но Милли толстая настолько, что ей приходится носить брюки на эластичном поясе, потому что штанов ее размера с пуговицами и молниями просто не шьют. Глаза у нее посажены слишком близко, а нос вздернут, как пяточок. А еще она носит футболки с щенятами и котятами — и нет, не шутки ради.

Патрик загораживает водительскую дверь. Он и его дружки-отморозки уже хрюкают, как свиньи. Милли села за руль всего несколько недель назад и теперь гоняет на своем минивэне с таким видом, будто это «камаро».

Она вот-вот завернет за угол и обнаружит этих придурков, толпящихся у ее машины, и я кричу:

— Милли! Погоди!

Оттянув вниз лямки своего рюкзака, Милли сворачивает с намеченного курса и направляется ко мне, расплывшись в улыбке так, что ее розовые щеки почти касаются век.

— Приветтики, Уилл!

Я тоже улыбаюсь.

— Привет. — Вообще-то я не придумала, что скажу, когда она подойдет. — Поздравляю с правами!

— Ой, спасибо! — Она снова улыбается. — Очень мило с твоей стороны.

Из-за ее плеча я наблюдаю за Патриком Томасом: он поднимает пальцем кончик носа, изображая пяточок.

Милли принимается долго и подробно рассказывать, как впервые заправляла машину и настраивала радио под себя после мамы. Патрик переводит взгляд на меня. Он из тех, кому совсем не хочется мозолить глаза, — но будем честны: не мне пытаться стать невидимкой. В комнате слона не утаишь.

Милли щебечет еще минут пять, и Патрик с друзьями наконец сдаются и уходят. Она размахивает руками, указывая на автомобиль у себя за спиной:

— Нет, серьезно, на курсах вождения даже не учат заправляться, но вообще-то...

Я ее перебиваю:

— Слушай. Прости меня, пожалуйста, но я опаздываю на работу.

Она кивает.

— Еще раз поздравляю.

Милли идет к машине, и я провожаю ее взглядом. Прежде чем сдать назад, она поправляет все зеркала, а потом выезжает с почти опустевшей парковки.

Я останавливаюсь за «Хот-догами и бургерами у Харпи», прохожу через дорожку автокафе и нажимаю кнопку звонка у служебного входа.

Ответа нет. Я звоню еще раз.

Техасское солнце нещадно печет мне макушку.

Пока я жду, к окну заказов подъезжает странного вида мужчина в рыбацкой шляпе и грязной майке и диктует болезненно подробный заказ, вплоть до точного количества маринованных огурчиков, которое он хотел бы видеть в своем бургере. Голос из динамиков озвучивает стоимость заказа. Мужчина смотрит на меня поверх темных очков в оранжевой оправе и говорит:

— Привет, сладенькая.

Я резко разворачиваюсь, плотно прижав платье к бедрам, и четыре раза вдавливаю звонок. Мне до того не по себе, что сводит желудок.

Я не обязана ходить на работу в платье — можно носить форменные брюки, но их эластичный пояс недостаточно эластичен для моих бедер. Я считаю, виноваты брюки.

И размер бедер предпочитаю относить к списку своих достоинств, а не недостатков. Блин, в каком-нибудь семнадцатом веке за девушку с такой фигурой, созданной для легких родов, давали бы стадо коров или типа того.

Дверь приоткрывается, и раздается голос Бо:

— Первые три раза я тебя тоже слышал.

Во всем теле начинает покалывать. Я не вижу его, пока он не открывает дверь пошире, чтобы впустить меня. Полоса уличного света падает ему на лицо: на подбородке и щеках — свежая щетина, словно перца сыпанули. Это символ свободы: занятия в школе Бо — пафосном католическом заведении со строгим дресс-кодом — закончились в начале этой недели.

Автомобиль у меня за спиной с рычанием газует, и я вбегаю внутрь. Пара секунд — и глаза привыкают к полумраку.

— Извини, что опоздала, Бо, — бормочу я.

Бо. Слово мячиком подпрыгивает у меня в груди, и мне это нравится. Мне нравится завершенность таких коротких имен. Они как бы говорят: «Да, я уверен».

Внутри меня поднимается горячая волна, и жар заливает щеки. Я провожу пальцами по челюсти и чувствую, как обмякают ноги.

Правда такова: я по уши втюрилась в Бо в первую же встречу.

Его непослушные каштановые волосы в идеальном беспорядке топорчатся на макушке. В красно-белой форме он выглядит нелепо, как медведь в пачке. Рукава синтетической рубашки плотно обтягивают его предплечья, отчего я поневоле задумываюсь, как много общего у его бицепсов и моих бедер. (За исключением способности отжиматься.) Из-под ворота у него выглядывает тонкая серебряная цепочка; губы у него, как всегда, красные благодаря его нескончаемому запасу леденцов с искусственными красителями.

Он протягивает ко мне руку, будто хочет обнять.

Я делаю глубокий вдох...

...И выдыхаю, когда он тянется ко мне за спину, чтобы защелкнуть дверной замок.

— Рон болеет, поэтому сегодня тут только мы с тобой, Маркус и Лидия. Видимо, ей сегодня перепала двойная смена, так что имей в виду.

— Ага, спасибо. Ну что, со школой покончено?

— Ага, никаких больше занятий.

— Мне нравится, что ты называешь уроки «занятиями». Будто ты уже студент и ходишь только на пару часов в день, а в остальное время дрыхнешь на диванчике или... — Я во время спохватываюсь. — Пойду брошу вещи.

Он сжимает губы в тонкую линию и почти улыбается:

— Давай.

Я ухожу в комнату отдыха и запикиваю свою сумочку в шкафчик.

Я, конечно, далеко не из тех, кто умеет хорошо и складно говорить, но то, что извергает мой рот в присутствии Бо Ларссона, не назовешь даже вербальной диареей. Натуральный словесный понос. Какая мерзость.

Мы познакомились в один из его первых рабочих дней. Я протянула руку и представилась:

— Уиллоудин. Кассирша, фанатка Долли Партон, местная толстушка. — Я подождала ответа, но он молчал. — В смысле список моих достоинств этим не ограничивается, но...

— Бо, — сказал он сухо, но губы его при этом растянулись в улыбке. — Меня зовут Бо.

Он сжал мою ладонь, и вереница воспоминаний, никогда не бывших явью, пронеслась у меня в голове. Вот мы сидим в кино и держимся за руки. Вот идем вместе по улице. Вот сидим в машине...

А потом он отпустил мою руку.

Тем вечером я вновь и вновь проигрывала в голове подробности нашего знакомства и поняла, что он не поморщился, когда я назвала себя толстушкой.

И мне это понравилось.

Слово «толстый» вызывает у людей неловкость. Но ведь при встрече первым делом замечают мое тело. Толстое тело. Точно так же я сама обращаю внимание на чьи-нибудь большие сиськи, блестящие волосы или костлявые коленки. И про все это можно говорить, однако, когда произносишь вслух «толстая» (а как еще меня описать?), люди бледнеют и поджимают губы.

Но я такая. Я толстая. Это не ругательство. Не оскорбление. Во всяком случае, я его употребляю в другом смысле. А потому предпочитаю сразу озвучить этот факт и закрыть тему.

ДВА

Я надраиваю прилавок, когда в «Харпи» входят двое парней и девушка. Работы так мало, что, кажется, скоро я сотру эмаль.

— Что будете заказывать? — Я не поднимаю глаз.

— Бо! Разыгрывающий защитник «Бульдогов “Святого Креста”»! — сложив руки рупором, провозглашает один из парней тоном спортивного комментатора.

Поскольку Бо не появляется, оба парня начинают скандировать его имя:

— Бо! Бо! Бо!

Девушка, стоящая между ними, закатывает глаза.

— Бо! — кричит Маркус. — Выходи уже, а то твои друзья никак не заткнутся.

Бо выходит из кухни, запихивая в задний карман форменный козырек, и скрещивает руки на накачанной груди.

— Привет, Колин, Рори, — говорит он.

Затем кивает девушке:

— Эмбер.

Он облакачивается на прилавок позади нас, увеличивая расстояние между собой и своими приятелями.

— Как вас занесло в этот район?

— На экскурсию пришли, — отвечает Колин.

Бо откашливается, но молчит. Воздух между ними потрескивает от напряжения.

Второй парень — судя по всему, Рори — изучает меню на прилавке.

— Эй, — обращается он ко мне, — можно два хот-дога? Только не кладите ничего, кроме горчицы и маринованных овощей.

— Угу. — Я вбиваю заказ в кассу, пытаюсь не пялиться на гостей.

— Давненько не виделись, — говорит Эмбер.

Как такое вообще возможно? В выпускных классах школы Святого Креста от силы тридцать учеников.

Колин приобнимает Эмбер за плечи.

— В зале тебя не хватало. Где ты пропадаешь?

— То тут, то там, — отвечает Бо.

— Что-нибудь из напитков? — спрашиваю я.

— Ага, — говорит Рори и протягивает мне пятидесяти-долларовую купюру.

— Сдачу дам максимум с двадцатки. — Я указываю на маленькое, написанное от руки объявление, приклеенное скотчем к кассе.

— Бо, — говорит Колин, — у меня с собой только карта. Может, сделаешь другу одолжение и поможешь с разменом?

На минуту повисает гробовая тишина.

— Кошелек с собой нет.

Колин усмехается.

Эмбер, Восхитительная-Девушка-Закатывающая-Глаза, шарит в кармане и выкладывает на прилавок десятку.

Я протягиваю Рори сдачу и говорю:

— Ваш заказ скоро будет готов.

Колин поворачивается ко мне:

— Как тебя зовут?

Я открываю рот, чтобы ответить, но...

— Уиллоудин. Ее зовут Уиллоудин, — произносит Бо и прибавляет: — Мне нужно работать.

Он направляется на кухню и даже не оборачивается, хотя друзья окликают его и просят вернуться.

— Мне нравится щетина, — говорит Эмбер. — Тебе идет. Но Бо уже ушел.

Она вопросительно на меня смотрит, и я пожимаю плечами.

Подъехав к дому, я направляюсь на задний двор и захожу внутрь через раздвижные стеклянные двери. Парадную дверь заклинило много лет назад. Мама вечно твердит, что нам нужен мужик, который бы ее починил, но тетя Люси всегда говорила, что это идеальный повод никогда не отвечать на звонки в дверь. И я склонна с ней согласиться.

Мама, по-прежнему облаченная в медицинскую форму, сидит за столом и смотрит новости по портативному телевизору; ее светлые волосы уложены в высокий пучок. Сколько себя помню, она всегда смотрела свои сериалы здесь, потому что диван в гостиной почти неизменно занимала Люси. Но прошло уже полгода с похорон Люси, а мама до сих пор смотрит сериалы на кухне.

Мама качает головой в ответ на слова телеведущего и говорит:

— Привет, Пышечка. Ужин в холодильнике.

Я кидаю сумочку на стол и достаю тарелку, затянутую пищевой пленкой. Последние дни учебы совпадают с началом подготовки к конкурсу красоты, а значит, мама на диете. А когда она на диете — на диете и все окружающие. Вывод: на ужин у нас салат с куриной грудкой.

Могло быть и хуже. Бывало хуже.

Она цокает языком.

— У тебя на лбу какое-то воспаление. Ты ведь не ешь всю эту жирную пищу, которую вы там продаете, правда?

— Ты же знаешь, я все равно не особо люблю бургеры и хот-доги.

Я не вздыхаю. Хочется, но мама услышит, и неважно, насколько громко включен телевизор. Пройдет еще два года, я уеду учиться в колледж в другом городе, но мама все равно услышит мой вздох за сотню миль от дома, позвонит мне и скажет: «Ну, ну, Пышечка, ты же знаешь, как я не люблю, когда ты вздыхаешь. Нет ничего менее привлекательного, чем недовольная жизнью молоденькая девушка».

К этой мудрости у меня очень много вопросов.

Я сажусь ужинать и щедро выдавливаю салатную заправку в свою тарелку, потому что на восьмой день Бог сотворил соус ранч*.

Мама скрещивает ноги и вытягивает носочки, разглядывая облезавший педикюр.

— Как работа?

— Нормально. Сегодня какой-то старикан в автокафе ко мне подкатывал. Назвал «сладенькой».

— О-о-о... Ну, если подумать, это в некотором роде комплимент.

— Мам, ты чего? Это мерзко.

Она нажимает на кнопку пульта и выключает телевизор.

— Детка, поверь, круг доступных тебе мужчин сужается по мере того, как ты взрослеешь. И неважно, насколько хорошо ты за собой следишь.

В этом разговоре я участвовать не желаю.

— Рон заболел.

* Ранч — соус на основе майонеза с горчицей, чесноком и зеленью.

— Несчастный малый, — смеется она. — Знаешь, в старших классах он был по уши в меня влюблен.

С тех пор как я устроилась на работу, мама вспоминает об этом по меньшей мере раз в неделю. Но я помню, как на День благодарения, когда я только отправила в «Харпи» свое резюме, Люси сказала мне, что, по ее мнению, дело было с точностью до наоборот. Однако, если верить маме, по ней сходили с ума все парни города. «Каждому хотелось отведать кусочек лакомой Мисс Люпин города Кловера», — сказала она заплетающимся языком как-то вечером после нескольких бокалов вина.

Конкурс красоты — единственное значимое достижение моей матери. Она все еще влезает в то самое платье, и об этом факте никому не дозволено забывать. Как глава организационного комитета и официальная хозяйка конкурса, она считает своим долгом ежегодно втискиваться в платье и раз за разом выходить на бис, к восторгу многочисленных поклонников.

На мои ступни опускается увесистая тушка Буяна, кота Люси. Я шевелю пальцами, и он урчит.

— Видела сегодня, как какие-то девчонки тренируются к конкурсу красоты после школы.

Мама ухмыляется:

— Ну что я могу сказать, с каждым годом конкуренция все жестче.

— А у тебя как дела? Как там в доме?

— Ой, знаешь, тот еще денек. — Она листает чековую книжку, потирая рукой висок. — Сегодня мы потеряли Юнис.

— Ох, блин. Сочувствую, мам.

Раз в году, как у Золушки, мир моей матери наполняется гламуром и блеском. Именно о такой жизни она всегда мечтала, однако все остальное время она работает санитаркой в доме престарелых «Ранчо Буэна Виста». В список ее должностных обязанностей входят столь захватывающие занятия,